

84(2=632.1)

A285

Аржан Адиров

**ВЕСНА
МОЕЙ ЗЕМЛИ**

Аржан Адаров

**ВЕСНА
МОЕЙ ЗЕМЛИ**

Стихотворения

Переводы с алтайского

23

Москва
•Советская Россия•
1986

89A11

P2(A11)
A285

Художник В. Былинкин

4162627 ✓

Горно-Алтайская областная
Библиотека
им. М.М. Калашникова

A $\frac{4702070000-290}{M-105(03)86}$ 199-86

ПОД ЭТИМ НЕБОМ ГОЛУБЫМ

ТРЕТИЙ ГЛАЗ

Опять смотрю в минувший день я:
Сложны истории пути,
Добра и зла переплетенья
Попробуй, смертный, расплети!

Сужденья наши, пересуды
В тупик зайдут еще не раз.
Лишь у всевидящего Будды
Есть, говорили, третий глаз.

И видит Будда этим глазом
Сквозь преходящие года
Все то, чего наш бедный разум
Не постигает никогда.

Но бог молчит! И только зыбко,
Как будто солнце на листьях,
Всезнания теплится улыбка
Таинственная на устах.

А мы живем давно без бога —
Кого же спросим в наши дни?
Земля и звезды знают много,
Но молчаливы и они.

Не все мне ясно и поныне,
Я это честно признаю,
Но революции святыню
Сомнениям не отдаю.

Не раз, не только в дни былые,
Но и недавно, и вчера
Пытались оборотни злые
Пригреться у ее костра.

И, прикрываясь красным цветом,
Вершили черные дела.
Я не могу забыть об этом.
Шлифуя строчки у стола.

И, как бы ни было мне больно —
Не уклонюсь, мой друзья:
О чем бы ни писал — невольно
Пишу Истории и я.

Пишу, не веря громким фразам,
Отвергнув пышные слова,
И что мне Будда с третьим глазом,
Бесстрастным оком божества!

На правду и неправду века,
Перед которым я в долгу,
Пристрастным взором человека
Смотрю. Иначе — не могу!

ЛЮБОВЬ

Моей любовью полон Алтай —
Долины, вершины, весь горный край.
Моей любовью реки полны
От первой волны до поздней волны.
Моей любовью небо полно,
От звезд моих светлым стало оно.
Ведь звезды — узоры любви моей.
Свети, мое небо, и не тускней!
Моей любовью полны цветы,
Почва, трава, деревья, кусты,
Еще полны они волшебства,
Поскольку любовь моя такова.
Словно магнит, родная земля,
Ты притягиваешь меня.
Счастьем полна душа и чиста,
Благословляю родные места.
Камень любви на этой земле
Полон любовью и дорог мне,
Наклонюсь над ним и к нему
Губы горячие я прижму
И услышу говор лесов,
Шелест травы и шепот цветов,
И пронзит мое сердце вновь
Моего народа любовь.
Голос милой издалека
Я услышу наверняка.
Полон любовью весь белый свет
И сдается, что смерти нет.
Буду жить опять, буду петь опять
И везде по родине тосковать.

ПЛАНЕТА

Повиснув на солнечных нитях,
Летишь ты, мой шарик, в веках,
Весь — в песнях, колосьях, событиях,
Тревогах, мечтах, облаках.

Иду по тебе я, счастливый,—
И травы светлы от росы,
И рядом колышется нива,
Расставив антенны-усы.

Чему она чутко внимает,
Несчетный встречая рассвет?
Быть может, она принимает
Грядущего дальний привет?..

Мой шарик, родная планета,
Здесь, многие муки стерня,
Мы вышли из сумерек — к свету,
И к звездам взлетели — с тебя!

И столько чудесных традиций
От солнца сумели зажечь...
Так мне ли тобой не гордиться,
Так мне ли тебя не беречь?

Но знаю: на дальнем просторе
Не только поет соловей:
Есть бедность, и голод, и горе,
И слезы — морей солоней.

И падают смелые люди
В сраженьях — во имя мечты...

Но все-таки нет и не будет
Планеты прекрасней, чем ты!

Надежда моя и отрада!
Мечтая, борясь и любя,
В походе стократ, если надо,
Паду я — и лягу в тебя,

Лишь только бы, в зелень одета,
Неправду и зло покарав,
Летела бы к счастью планета,
Мой вечный, мой звездный корабль!

МАМА ПОИТ ЯГНЕНКА

Моя мама не видела золота,
Ей не снилось и в снах это чудо,
Но сегодня
На стол наш старьей
Золотую ставлю посуду.
Пусть сиянием золотым
Озарится наша избенка,
Когда будем из чашки поить
Молоком сироту-ягненка.

Подойди, малышка, попей.
Пусть испуг твои ножки не сводит.
«Кто живой,
Тот из золота пьет»,—
Ведь не зря говорят в народе.
А мы живы!
Мы столько бед
Миновали,

Мы все испытали.
Вот за этот холодный металл
Люди мучились и умирали.

Скатерть стирания на столе,
Дети ели на ней и внуки.
О как нежно гладят ее
Моей мамы старые руки.
Я на скатерть долго смотрю.
Вижу: там, на краю заплата.
Это — старая скатерть,
Она
Подороже серебра и злата!
В чашку налито молоко —
В дорогую такую чашку!
Мама ласково говорит:
«На, попей молочка, бедняжка...»

А потом сидит у окна,
Подперев ладонями голову,
Равнодушно смотрит на стол,
Будто там не золото —
Олово.

Что же дорого?
Солнце, душа,
Белый свет
И синее небо,
Да без жалоб пройти трудный путь,
Да не жить себе на потребу.
Что же дорого?
Есть свой хлеб,
Дорогим вещам не молиться,
Даже крошечным счастьем своим

Суметь с другим поделиться.
И не клясться отчизне в любви —
Это чувство слов громких не терпит.
Ты склонись к полевому цветку
И вдохни его запах терпкий.
Что же золото?
На столе
Золотая посуда искрится.
Под столом ягненок уснул.
Ему, сытому, сладко спится.
У окна моя мама сидит,
Вспоминает былое время.
Осторожно кладет лунный свет
Пальцы легкие ей на темя.

ДОЧКЕ

Ты уснула. Как дыханье ровно!
Как тиха полночная пора!
И глазенки маленькие, словно
Два цветка, закрылись до утра.

Чуть заметно вздрагивают губы,
Сон твой легок и по-детски прост...
Город спит, закутан теплой шубой
Ночи — в ярких пуговицах звезд.

Лишь отец твой, жизнь свою листая,
С думами не спит наедине.
Ты не слышишь, как с вершин Алтая
Песня приближается ко мне!

В сладкий плен захваченная снами,
Тихая и теплая, пока

Ты не видишь, дочка: встал над нами
Купол неба — вместо потолка.

Ты не видишь: позванные мною,
Все цветы с полей родной земли
Пестрой, шелестящею волною
У твоей кровати расцвели.

Ты увидишь это — будут сроки,—
Сможешь все услышать и понять...
Но едва написанные строки
Накрест перечеркнуты опять,

Потому что на земном просторе —
Не одни цветы и синева,
Есть борьба, тревоги, слезы, горе,
Гневные и горькие слова.

Не на жизнь, а на смерть длится схватка,
Жизнь и смерть сошлись на «пяточке»—
В тесном мире, где твоя кровать
Встала в затаенном уголке.

Я — отец. За жизнь в ответе дважды,
Я стоять не вправе в стороне...
Оттого я, дочка, ночью каждой
С думами не сплю наедине!

* * *

Нет,
 я не Прометей.
 Я алтайский кайчи¹,
 Но меня
 бог жестокий
 к скале приковал,
 Грудь мою
 дракон рвал из Урумчи,
 И двуглавый орел мое сердце клевал.
 Мое сердце.
 Мои, точно звезды, глаза...
 Чтоб не видел я в черной ночи ни зги.
 И когда
 на глаза набегала слеза,
 Как они веселились, мои враги!
 О пощаде врагов никогда не моли.
 И хоть был я прикован
 К скале ледяной —
 Пел я братьям моим,
 и враги мои
 Ничего не могли поделать со мной!
 И летели искры из сердца в ночь,
 Озаряя рабства страшную ночь.
 Так старался я братьям своим помочь,
 Чтоб сумели злую судьбу превозмочь.
 О Алтай мой,
 с белых твоих вершин,
 От застывших стен ледяных белков,
 Я,
 твой в вечные цепи закованный сын,

¹ К а й ч и — сказитель, поэт.

Ты не видишь, дочка: встал над нами
Купол неба — вместо потолка.

Ты не видишь: позванные мною,
Все цветы с полей родной земли
Пестрой, шелестящею волною
У твоей кровати расцвели.

Ты увидишь это — будут сроки,—
Сможешь все услышать и понять...
Но едва написанные строки
Накрест перечеркнуты опять,

Потому что на земном просторе —
Не одни цветы и синева,
Есть борьба, тревоги, слезы, горе,
Гневные и горькие слова.

Не на жизнь, а на смерть длится схватка,
Жизнь и смерть сошлись на «пяточке»—
В тесном мире, где твоя кровать
Встала в затаенном уголке.

Я — отец. За жизнь в ответе дважды,
Я стоять не вправе в стороне...
Оттого я, дочка, ночью каждой
С думами не сплю наедине!

Нет,
я не Прометей.
Я алтайский кайчи¹,
Но меня
бог жестокий
к скале приковал,
Грудь мою
дракон рвал из Урумчи,
И двуглавый орел мое сердце клевал.
Мое сердце.
Мои, точно звезды, глаза...
Чтоб не видел я в черной ночи ни зги.
И когда
на глаза набегала слеза,
Как они веселились, мои враги!
О пощаде врагов никогда не моли.
И хоть был я прикован
К скале ледяной —
Пел я братьям моим,
и враги мои
Ничего не могли поделать со мной!
И летели искры из сердца в ночь,
Озаряя рабства страшную ночь.
Так старался я братьям своим помочь,
Чтоб сумели злую судьбу превозмочь.
О Алтай мой,
с белых твоих вершин,
От застывших стен ледяных белков,
Я,
твой в вечные цепи закованный сын,

¹ К а й ч и — сказитель, поэт.

Той,
 что вынесла пытки,
 ушла от погонь
И, живая,
 пришла к сегодняшним людям.
Нет, я не Прометей,
 я — алтайский кайчи.
Мой огонь — это песня, горящая в сердце.
Я разжег свой костер под кедром в ночи.
Подходи,
 чтоб возле костра отогреться.

* * *

Как приеду я снова домой,
К снежным кручам прижмусь я щекой,
Зацветет голубой-голубой
Небосвод, как чалма, надо мной.
А в зеленой долине на дне
Где-то речка звенит в тишине,
И струя ее там, в глубине,
Моег ноги усталые мне.
Как приеду я снова домой,
Выйду к солнцу рассветной норой —
Пусть рассылет оно надо мной
Стрел горячих колчан золотой.
Пусть, качаясь, плывет сквозь туман
Дальних гор вековой караван,
Пусть зайдет в груди у меня
Колокольчик, от песен звеня.
Как приеду я снова домой,
Выйдет в небо луна надо мной,

Занскрится в дали голубой
Звезд вечерних серебряный рой.
Этих белых ночей белизна —
Будто жизнь моя песня одна,
Будто к кедру от кедра струна,
На ветру протянулась она.
Как приеду я снова домой —
Сразу в горы дорогой прямой.
Поклонюсь каждой тропке лесной —
Я с тобой, я с тобой, я с тобой!
В каждый дом постучусь: я живой!
Ты мне счастья желал — я с тобой.

ГОРНАЯ РЕЧКА

Маленькая дочь родного края,
Ручеек, речушка — не река,
По камням ты прыгаешь, играя,
И, смейся, щекочешь им бока.

Знай резвишься, будто дети в школе,
Шалости нехитрые твоя...
Но послушай, речка: далеко ли
Ниточка дотянется твоя?

Малыми силенками своими
Победишь ли трудности в пути?
Пропадешь в песках — и даже имя
Так и не успеешь обрести...

И она в ответ прошелестела:
— Да, слаба я. Да, нелегок путь.

Но, поверь, совсем не в этом дело —
Ну-ка стань внимательней чуть-чуть!

Невдали отсюда, где опушка,
Слышишь — тоже рокот меж камней:
Там спешит навстречу мне подружка,
Даст мне руку — вместе мы сильней!

Там, подальше, с гор несутся братья,
Озорной, решительный народ,
Заклучат при встрече нас в объятия
И закружат. И помчат вперед!

Разольемся вместе на просторе,
А потом, под звездами блестя,
Донесем, быть может, и до моря
Веточку, что бросил ты шути!

Ну а ты — сказать я тоже вправе,—
Ладен ты собою и высок,
Но мечты о подвигах и славе
Не уйдут ли попусту в песок?

Сможешь ли один, своею силой,
Одолеть препятствия в пути,
Или — сгинешь, слабый и бескрылый,
Имя не успевший обрести?..

Так шептала речка понемногу —
Или сам все это думал я?
...Нам пора в далекую дорогу.
В добрый час! Обнимемся, друзья!

Я — МАЙЯ

Что ж мне снятся пожары былые
В красном мареве дальней зари —
Пирамиды в дыму золотые,
Вековые в огне алтари?
Нет давно уж ни пиков, ни майя,
Нет космических их городов —
Кто ж мне шепчет, что я понимаю
Позабитые знаки их слов?
Вы ушли, вы погибли, вы пали,
Жег вас порох, свинец вас ксил.
Чужеземцы, они хохотали
У языческих ваших могил.
Сожжены и развеяны прахом
Золотые легенды веков.
Как кощунственно ржали монахи
Над бессилием ваших богов!
Где он умер, последний из майя,—
Жрец, провидец движенья светил?
На каком он костре, умирая,
Тайну предков с собой уносил?
На века, навсегда, в бесконечность,
От врагов, от друзей, от людей.
Почему же я вижу сквозь вечность
Дым костров, слышу ржанье коней?
Почему на вершинах Алтая
Он мне снится в дыму и огне,
Жрец последний из племени майя,
Простирающий руки ко мне?
Позади нас курганы, курганы,
Конский след до кибитки в пыли...
Сквозь века, сквозь легенды,

сквозь страны

462627

Что с собою мы в мир принесли?
Нас никто не обидит, я знаю,
Хоть и мал ты числом, мой народ,
Только снится: я — майя, я — майя,
Обжигает мне руки восход.
Только снится: курган, где лежу я,
Не унесший ни тайны с собою,
Изучают как тайну кечуа¹,
И лопаты звенят надо мной.
Как стихов моих блеклые строки
Кто-то бледной рукой достает.
Входит солнце над пиком высоким.
Что скажу о тебе, мой народ?

* * *

В пути, как факел, поднимаю Слово —
Пусть светит в обе стороны оно;
Пусть озарит и глубины былого,
И то, что лишь настать еще должно!

Нам нужно знать и видеть все преграды,
Самих себя осмыслить и понять —
И я тянусь. Я чувствую: мне надо
Как можно выше факел свой поднять.

Пусть мне твердят: а вправду ль нужно это?
Ведь с давних пор и вплоть до наших дней
Есть на земле великие поэты —
Их светочи, конечно, посильней.

¹ Кечуа — наиболее значительная группа племен в государстве инков.

И горный кряж, и тихие долины
Озарены их гением, а ты
Сумеешь ли достичь хоть половины
Их светлой и державной высоты?

Я соглашаюсь коротко: едва ли?
Но сердце говорит мне: освети,
Как малый костерок на перевале,
Хотя бы часть великого пути!

НА БЕРЕГУ ИША

В. А. Харину

Я прожитые годы
Разделил пополам —
Скинул двадцать,
И стало мне двадцать опять.
Ах, как сладко в груди!
Миражи давних лет окружили меня,
Словно был я убит
И начал опять оживать.
Вон черемуха в белом цвету —
Не черемуха, девушка в белом наряде
Раскинула шаль надо мной,
Волшебную белую шаль,
Наделенную силой
Воскрешения мертвых.
Вон журчащий в лесу родничок,
Весь студеный, прозрачный и чистый —
Он наполнен живою водой,
Он все шепчет мне тайну бессмертья.
А кукушка,
Совсем молодая кукушка,

Что сюда залетела из сказки,
Кукует, кукует, кукует,
И я понимать начинаю,
Что смерти, конечно же, нет.
Легок и строен мой стан!
Сил и желаний избыток.
Лето меня обнимает,
Зеленым прикрыв плащом.
Но теплый июньский дождь
Смывает с меня постепенно
Проклятья врагов и упреки друзей,
И гром мне как вздох облегченья...

Милый берег Иша
В самом деле в черемухе весь.
Соловьи опьянели от песен,
И на галечник донный луна
Улеглась, улыбаясь,
И слушает трели.
Уж не в честь ли мою,
В самом деле, поют соловьи!
«С днем рожденья!»— мне шепчет мой друг
И бокал поднимает с улыбкой,
«С днем рожденья!»— поют соловьи
И сулят долголетье кукушки.
А всего-то и было —
Купались в реке при луне
И смеялись, как будто нам было по двадцать,
И верили: ждут нас счастливые годы.
Впрочем, в тягость ли жизнь!

Мы подставим плечо,
Если где-то споткнется товарищ.

Мы поднимем его,
Мы разделим с ним горе!

В трудный час мы на помощь придем
И наград не попросим за это.
Только б вечер такой,
Только б так вот сидеть у реки,
Слушать хор соловьев,
Улыбаться их радости дружно,
Сбросить с плеч все печали
И отдать себя этой вот — нежной и чистой.
Чтобы стало опять двадцать лет.
Чтобы кружку родник наполнял.
Чтоб светила луна
И товарищ тебе улыбался.

АРГОНАВТЫ

Может, манит и нас золотое руно?
Может, как аргонавт ты покинул свой край?
Но не нам ли с тобою известно давно:
Не от слова ли «золото» слово «Алтай»?
Ищем вечное лето где-то порой,
Сколько гор обойдем,
Сколько бродим мы дней,
И бывает, совсем не заметим, друг мой,
Что кедровая ветка в долине родной
Отогрелась на солнце и стала длинней,
Что девчонка с глазами косули степной
Стала девушкой — сыщешь ли равную ей!
Что мы ищем с тобою в безвестном краю?
Сном каким растревожили душу свою?
Все равно и у ласковых самых морей

Снятся кедры зеленые, запах ветвей,
И, как те аргonautы с бесценным руном,
Мы в родные края до рассвета придем,
Видя сердцем родные улыбки людей,—
Только станут они и милей, и родней.
И священной любовь,
И бессильней слова,
Лишь покажется где-то за синью морской
Легендарный Сумер¹ золотая глава!
И по-новому ярки цветы и трава,
И под кровлей отцовской опять ты впервой.
В мире мало нас, очень нас мало, дружок,
Но как ярко пылает родной очажок!
И однако, однако, опять за руном,
Точно те аргonautы, с тобой мы уйдем,
Но не с золотом чьим-то мешок привезем,
А с любовью к Алтаю
Вернемся в свой дом...

ДУМЫ У МАВЗОЛЕЯ

Мы шли сюда со всех концов страны.
И вот, в ряду других, со стороны,
Свое лицо я вижу отраженным
В граните полированной стены.

Вот — вход. Ступени. Голову склони.
Все мелочные мысли прогони.
Здесь вечным сном уснул товарищ Ленин.
В его лицо спокойное взгляни.

¹ Сумер — гора, по представлениям буддистов, центр мира.

Здесь тишина. Что, сердце, шепчешь ты?
«Оттуда, где алтайские хребты,
Тебе несу я, Самый Человечный,
Любовь, и благодарность, и мечты!

Поверь, Великий, сыну чабана:
Пусть небольшая сила мне дана,—
Все сделаю, себя не пожалею,
Была б счастливой милая страна!»

Здесь, как нигде, минута коротка.
Здесь, как нигде, минута велика:
Всю жизнь свою припомнить успеваешь,
И явственней грядущие века.

Мы движемся безмолвно, как в строю,
Великому причастны бытию,
И вот опять на площадь мы выходим,
На Красную, прекрасную свою.

Мы будем в небо Родины глядеть,
Забудем шапки зимние надеть,
И будут в волосах снежинки таять
И чистыми росинками блестеть...

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ

Мой старый партийный билет!
Нас вместе ветра обжигали,
Мы вместе с тобой прошагали
Немало стремительных лет.

Со мной ты, партийный билет,
Дорогами отчего края
Шел, сердце мое согревая,
И сердцем ответно согрет.

Весь опыт борьбы и побед,
Что в сердце глубоко хранится,—
В твой он впитался страницы,
Мой старый партийный билет!

Прощай же!

Особенный свет
Сегодняшний день излучает:
Сегодня в горькоме вручают
Мне
новый партийный билет!

Сегодня идут в кабинет
Одни за другим коммунисты:
Прорабы, врачи, трактористы,
Учитель, чабан и поэт.

Ученый — за токарем вслед...
Известный охотник Алтая...
Ткачиха идет молодая
И Ленина видевший дед...

Мой новый партийный билет!
Знакомые снова приметы:
Девиз коммунистов планеты
И ленинский четкий портрет.

И слышу я отзвук бесед:
То в сейфе, в тиши кабинета,

Сейчас говорят партбилеты,
С соседом толкует сосед.

Им вспомнились пройденных лет
Свершенья,

пути,

новостройки

На западе

и на востоке,

Где в море родится рассвет...

АЛТАЙ

И вдали от тебя вспоминаю тебя, Алтай!

Точно камень бесценный,

Наполненный дымчатым светом,

Ты покоишься на груди планеты,—

То мерцают, то светятся, лучиком солнца задеты,

Твои грани, и песнею полнится грудь.

Иногда ты мне кажешься кедром могучим, Алтай,

Тянешь ветви зеленые, вечнозеленый,

И касаешься звезд величавою кроной,

И, как струны топшура, вздыхаешь влюбленной

Каждой малой хвоинкой своей.

В жарком южном краю о прохладе твоей грущу,

А на севере дальнем твоей теплоты ищу.

Где б я ни был, твоих вспоминаю людей,

Об одном лишь мечтаю: вернуться к тебе поскорей,

Оказаться в объятиях синих гор.

Молчаливо склониться над ликом твоих озер,

Их коснуться губами, как любимой бездонных

очей,

И упасть меж цветами, что огня горячеей...

Мою милую землю, Алтай, обнимаю опять,

И не в силах никто от Алтая меня оторвать,
И смеюсь я от счастья, и слез не умею скрывать,
И судьбе благодарен, что здесь родила меня мать!..

МОЕМУ МАЛЬЧИКУ

Мой мальчик, можешь только ты
В конце любого дня
От маэты и суеты
Излечивать меня.
Когда, измучен и устал,
Я прихожу домой —
Лишь ты поможешь, хоть и мал,
Веселый мальчик мой!

Всегда мне дороги до слез
Сиянье детских глаз
И каждый умный твой вопрос,
И нежный твой приказ.
Того не зная, может быть,
Ты крылья даришь мне
И разрешение побыть,
Пожить в твоей стране.

Лишь только встречусь я с тобой —
И тает в сердце лед,
И расцветает голубой
Цветок — и я в полет
Опять готов, я вновь силен
С моей мечтой вдвоем,
И будет мной преодолен
Любой крутой подъем!

Как, разругаясь, ты красив,
Когда с толпой друзей,
«Волшебный ящик» разбудив,
Кричишь: «Ура, хоккей!
Кто впереди? Какой там счет?»
Как властен зов трубы,
Тебя волнует и влечет
Живая страсть борьбы!

А то затихнешь над столом,
Губами шевеля:
Встает из книг наш общий дом —
Огромная Земля.
Есть на планете много стран,
Но лучше всех — одна,
Просторнее, чем океан,
Любимая страна!

Мы перед ней всегда в долгу —
До края, до черты...
Предугадать я не могу,
Кем станешь в жизни ты.
Быть может, самых золотых
Достигнешь в небе звезд,
А может быть, твой жребий тих,
Бесхитроsten и прост.

Но кем бы ты ни стал, какой
Ни выбрал в жизни путь —
Солдатской верностью мужской
Отчизне верен будь.

И помни: в мирной тишине
И если грянет бой,

Всегда хотелось бы и мне
Повсюду быть с тобой.

Когда тебя помчит ладья
По голубой реке,
Надежным, крепким стану я
Веслом в твоей руке.
Когда в пути, в лесу глухом
Привал устроишь свой —
Я обернусь пушистым мхом
И шелковой травой.

И сверх того еще один
Прошу у жизни дар:
Когда ты взрослым станешь, сын,
Пусть буду я не стар.
Под этим небом голубым
Успею, может быть,
Твоим соратником, твоим
Товарищем побыть!

ЛЕТО

Перевал знаменит
И ветрами омыт.
Там трава шелестит.
Ветер в кедрах шумит.
Ветер в кедрах шумит.
Ствол могучий скрипит.
С перевала летит
Звон копыт, звон копыт.

Долетели до нас
Голоса с вышины.

Там кочуют сейчас
Чабаны, чабаны.
Чабаны, чабаны —
С высотой дружны.
С наступленьем весны —
Все в горах чабаны!

В мире славен давно
Мой народ кочевой.
Только солнце одно
Над его головой.
Кто в работе ловчей?
...Вырастает анл.
По соседству — ручей,
Чтобы влагой поил:
Чуть повыше — людей,
Вырастай же скорей,
Шестигранный дворец!

Ветры в кедрах поют
И в зеленой листве.
И плывут, и плывут
Облака в синеве.
Облака в синеве
И транзистор в траве.
Слышен шорох травы.
Слышен голос Москвы.

Ярких красок игра —
И антенны игла.
Мы сидим у костра.
Тихо ночь подошла.
Ты — алтайский чабан.
Я — алтайский поэт.

Шлем народам всех стран
Свой алтайский привет!

Приезжайте сюда
В гости, люди труда,
Где прекрасна всегда
Гор зубчатых гряда!
Будем вас угощать,
Сердце дружеством греть.
Будут песни звучать.
Будут звезды гореть.

Посветлеет — и тут
С голубой высоты
Звезды наземь падут,
Превратятся в цветы.
А стемнеет опять —
Вновь им в небо взлетать,
Снова звездами стать,
И сиять, и блистать!..

А пока мы вдвоем
С молодым чабаном
На Алтае своем,
На привале ночном.
Дивно лето в горах —
Кочевая пора!
На кедровых корнях
Мы сидим у костра.
Трубку держит рука.
В сердце зреет строка,
Вдаль плывут облака.
Ночь, как вздох, коротка...

КОММУНИСТ

Он коммунистом не был — по анкете
Отец мой дельный, вдумчивый мужик,
Но шрам косою не зря его пометил:
На белых в бой он шел как большевик!

Он коммунистом не был — по анкете,
Но строил школы, основал колхоз,
И — пусть и не отмеченный в билете! —
Немалым был его партийный взнос.

Он коммунистом не был — по анкете
Был беспартийным. Но за все в стране,
Как коммунист, считал себя в ответе
И умер коммунистом на войне.

Он коммунистом не был — по анкете,
Но если взвесить мысли и дела,
То жизнь его под солнцем на планете —
Вся! — заявленьем в партию была.

Отец мой, коммунист без партбилета,
Вовек твой образ в сердце не умрет,
И для меня в живую плоть одеты
Слова большие: Партия, Народ...

ЕСТЬ НЕВЕДОМАЯ СВЯЗЬ...

«Когда увидишь ты во сне,—
Я слыхивал не раз,—
Что старой, кряжистой сосне
Пришел последний час,

Она простерта на земле,
И горек этот миг,—
Знай, что на днях в твоём селе
Умрет седой старик».

«Когда увидишь ты во сне,—
Я слыхивал не раз,—
Что юной, тоненькой сосне
Пришел последний час,
И рухнет, ветками шурша,
Через много дней,
Знай, чья-то юная душа
Умчится в мир теней...»

Внимая сказкам старины,
Я в детстве трепетал.
Давно уж я не верю в сны,
Давно я взрослым стал,
Но верю, верю и сейчас,
Упреков не боюсь,
Что есть с деревьями у нас
Таинственная связь.

Раскрыв объятия, к ним бегу:
Деревья, никогда
Пусть никакая на вку
Не тронет вас беда!
Вы, как друзья, встаете в ряд
Вдоль человеческих троп.
Из вашей плоти мастерят
И зыбку нам, и гроб.

Из вас — прижизненный наш дом
И наш посмертный дом,

По все же главное, притом,
Не в этом и не в том.
Важней, мне кажется, вдвойне,
Что ритму наших дум
Так соразмерен в тишине
Ветвей спокойный шум.

Он вроде ровного ровней,
Но вслушайся — и вмиг
Услышишь в нем и хрип коней,
И песнь, и смех, и крик.
И о любви людской не раз
Послышится рассказ,
Который и взволнует нас,
И успокоит нас.

Деревья старые, люблю
У вас погостевать.
Ловлю хвоннику, лист ловлю
В раскрытую тетрадь.
Шуршаньем хвон и листвы
В кругу детей, внучат
Со мной беседуете вы,
И только пни молчат.

АЛЕКСЕЮ КАЛКИНУ

То не ветер ли гудящий
Пролетает над горами,
Над лесной ветвистой чащей,
Над полянами-коврами?

Или то звучит не ветер,
А певца волшебный голос?

Весь мой сад ему ответил,
Тишь, как чаша, раскололась!

И шумит листва густая,
И слышны мне в колыханье
Песни витязей Алтая,
Боевых коней дыханье.

Те бойцы давно в могиле,
И коней истлели шкуры,
Но бывшее пробудили
Струны вещие топшура.

Помнишь, Калкин, как мы пели
На поляне той зеленой,
Где над нами шелестели
Старцы кедры мощной кроной?

Свет лила луна большая,
Заменяло небо крышу.
До сих пор, как приезжаю,
В том лесу я песню слышу.

Я не знаю, как случилось —
Или впрямь, тебе внимая,
У тебя тайга училась
Величавым звукам кая?¹

Калкин, вспомнится не раз нам,
Как тебе мы подпевали
На высоком и прекрасном
Ябоганском перевале.

¹ К а й — горловое пение при исполнении героического эпоса.

Столько древнего, родного
Сохранили песни эти!
Слышу их — и верю снова:
Есть бессмертные на свете.

Пой, певец, не умолкая!
Пусть и в будущем столетье
От могучей песни кая
Заколышутся соцветья!

ВЫСОТА

Над костром ли ночным, над дневною тропой —
Здесь извечно открыт небосвод над тобой.
Даже в сон погружаясь, смежая глаза,
Ты витаешь мечтой в вышине голубой.
И в глазах твоих черных пылью золотой
Тлеют звездные дали над тихой землей
И до света, мерцая сквозь млечный туман,
Посылают лучи по орбите крутой.
Но земля повернет остывающий бок,
И оплавится вдруг над горами восток.
И, расправив свои огневые крыла,
Долгожданное утро спешит на порог...
И едва первый луч прикоснется к щеке,
Ты проснешься. Бормочет огонь в камельке,
И в раскрытых дверях улыбается мать,
И сияет, как солнце, подошник в руке.
Ты спросонок глаза протираешь скорей,
Будто чары небесных снимаешь гостей,
И бежишь из анла привычной тропой
По лугам за отарой ушедшей своей.
Две пригоршни росы —

И как не было сна:
Как вода ключевая, роса холодна,
И искрится в лугах голубая трава,
Будто звездная в небе ночном седина...
С детских лет, заглядевшись в простор голубой,
Я часами люблюсь его глубиной —
Сколько лунных ночей,
Сколько темных ночей
Отошло в бесконечность с тех пор надо мной!
Но чем дальше гляжу, тем ясней и светлей
Все живут они в памяти вечной моей —
И звезда, что в моих почевала зрачках,
И огонь, от которого сердцу теплей.
Дети гор и таинственных высей сыны,
Мы в надоблачных далях на свет рождены,
Где, наверно, лишь песни рождаться должны.

МАЛЕНЬКИЙ ХУДОЖНИК

Мой мальчик что-то рисовал,
А я его не понимал,
Ракета... конь...
Художник мал.
Он, утомленный, задремал.

Уснул, сжимая карандаш,
Строитель и воевода наш.
Он рядом положил с собой
Ружье и шапку со звездой.

Во сне его лицо горит,
Во сне «ура!» он говорит,

Пусть за окном ночная тишь —
Во сне воюет мой малыш.

Летит на боевом коне!
Переживает он во сне
Историю страны отцов,
К победе мчась в строю бойцов!

История страны! Она
Ему в наследство отдана,
В его крови растворена,
В его мечтах повторена!

А рядом на листе одном
С тачанкой виден космодром,
Ушла ракета в небеса,
И — огненная полоса,

За ней простерся длинный след
К орбитам голубих планет,
А на борту — светла, горда
Все та же красная звезда!

Художник маленький, ты прав!
Наивен, прост и величав
Мальчишеский рисунок твой!
Склоняюсь нежно над тобой...

Грядущее земли — оно
Людекой мечтою рождено,
В твоей душе отражено,
В твоей крови растворено!

И вот я вижу, мой малыш,
Не весь ты мне принадлежишь,

Бессмертным ветром бытия
Душа подхвачена твоя,
Не пересказать твои пути...
Будь счастлив, сын! Рости! Лети!

ЧЕЛОВЕК

Сколько лет мне сейчас?
Или, может, веков?
Я не знаю,
Не сочту, сколько раз
На земле зеленел, как весна, я,
Не сочту, сколько раз
Бронзовел я, как спелая осень,
И белел, как зима,
И рождался для будущих весен!

Помнит плоть моя смутно
Весь пройденный путь превращений:
Был я свежим листом,
Был я нежной травинкой весенней,
Был бегучей водой,
Был цветам алтайского лета
И в луче золотистом —
Горячими квантами света.

А душа чем была?
Над ущельями дымкой туманной,
Светом дальней звезды,
Материнскою песней гортанной,
Стоном ветра в горах
И в долинах ночной тишиною...
И теперь, наконец,

Это все называется
Мною.

Мнится мне, что глаза мои
Смотрят на мир не впервые:
Я уж видел и солнце,
И молний мечи огневые,
Был царем, был рабом,
И прославленным был, и забытым,
Строил — и разрушал,
Убивал я —
И падал убитым.

Заметали меня
Ураганы песчаные Гоби,
Ты найдешь мое имя
На плитах старинных надгробий,
Был развеян я в прах —
И опять поднимался из праха,
Звезд касался мечтой,
Ведал страх —
И не ведал я страха.

В недрах мозга, в подкорке,
Не высказанная словами,
Напластована память
Бесчисленных существований.
С каждым новым рождением
К ней добавлял я немного —
В безднах жизни и смерти
Моя пролежала дорога!

Был я грешен и свят,
Скотоводом и воином был я,

В голубой высоте
Разлетался космической пылью
И опять возрождался,
И новое чудо рожденья
Было мне всякий раз
Как от смутного сна пробужденье.

Вновь себя сознавал я,
Людские черты обретая,
Колыбель моя — Азия,
Вечные горы Алтая.
К справедливости, к правде
Я сердцем тянусь изначала,
Но, бывало, оно
Плохо правду и ложь различало...

Я склонялся над книгами,
Строчками полнил тетрадки,
Я стремился упрямо
Постичь вековые загадки,
Я себя торопил,
Пробиваясь к надежным ответам,
Так, что мозг мой трещал
И, казалось, искрился при этом!

Исполинское солнце
В свой час над горами вставало --
И не спавшим всю ночь
За работой меня заставляло.
И луна удивлялась:
— Откуда упорство такое?..
По природе, по крови
Я весь — отрицанье покоя!

Сколько лет мне сегодня?
Мне тридцать согласно анкете.
Но вернее сказать:
Много дольше живу я на свете,
Может, тысячи лет,
Может быть, миллион семизначный,
Я ровесник и небу,
И капле мгновенно-прозрачной.

Я наследую прошлого
Горечь, и гордость, и славу.
Годы предков моих —
Не мои разве годы по праву?
Подрастает мой сын,
Все, что надо, сумеет сберечь он.
Что мне возраст любой?
Я не стар и не молод:
Я — вечен.

СМЕРТЬ КОЛХОЗНИКА

Тяжелым был его последний день.
Казалось, что верхом он едет где-то.
А конь неслышно движется,
Как тень,
И с каждым шагом —
Меньше,
Меньше света.
Так трудно он из жизни уходил:
Глаза закрыты.
Губы почернели,
Вот губы облизнул (хватило сил)

И —

Шепот, различимый еле-еле:

«Не забывайте детей, люди...

Не обижайте жену, люди...

А я...

Я петь сейчас хочу...

Ведь без песни пастух никогда не уезжает...»

И в предсмертном бреду он запел.

Непонятные хриплые звуки.

Отдыхают впервые от дел

Вот и ставшие мертвыми руки...

Закричала, забилась жена.

А потом — тишина.

Тишина.

Тишиною накрыт его дом,

Словно речка, накрытая льдом.

В дом этот тихий люди заходят,

Вздохнут,

Постоят,

На работу уходят.

На дворе слышен стук — это гроб мастерят.

Председатель могилу посылает копать,

И уводит осиротевших ребят

Сердобольный сосед к себе ночевать.

Вся деревня в путь снаряжает его,

Вся деревня ночами не гасит огней,

Вся деревня не спит, поминая того,

Кто не знал никогда праздно прожитых дней.

Поминает того, кто навеки замолк,

Честно выполнив долг.

Вот лежит он в гробу,
Спокоен и тих,
В первый раз позабыв о заботах своих,
Непохожий,
Черный, словно чугуи,
И нет дела ему, где колхозный табун.
А ведь он его больше жизни берег,
Ледяными ночами в горах стерег.
Вот лежит он,
Новый на нем пиджак —
Редко в жизни своей одевался он так!

Вот подняли сельчане его,
Понесли.
И на кладбище,
На берегу реки,
Вырос маленький холмик черной земли,
Черный холмик,
Как точка в конце строки
(А далеко в горах заржал его конь,
Ткнулся мордой в шершавую чью-то ладонь).

Помянули его хмельной аракой.
Кто-то тут же бутылку о камень разбил —
Издавна существует обычай такой.

Прожил жизнь человек.
Он страдал и любил,
Он в трудах и заботах
Был ночью и днем.
Что осталось миру на память о нем?

Ничего!
Только песня пастушья его,

Да еще трудовая слава его,
Да еще им выращенные стада,
Да еще им сметанные стога.
Да еще осталась его вдова,
Да еще старушки одной слова,
Что сказала, слезинку смахнувши с век:
«До чего же хороший был человек...»

ПИСЬМО НА РОДИНУ

Здравствуй, мой мальчик,
Здравствуй, мой маленький!
Знал бы кто, как я счастлив,
Что, кроме огромного человечества,
Есть у меня сынок...

Я видел
Морей изменчивую красоту,
Тонущие в огнях города,
Гудящие, как вулкан, города,
Чужие красивые города.
Я видел всюду
Тебя, мой сынок,
Едва закрывал глаза.

Вырастешь, повзрослеешь...
Когда увидишь,
Что ослепительные города,
Полнеба сжигающие города,
Как россыпь алмазная города
Не затмевают в душе
Маленького костра,

Света снежных вершин,
Шума родной тайги...

Вот когда повзрослеешь.
В холм Акрополя бьется
Прибой неоновый. Тонут
Афины в цветном огне.
И как легко улетает
Мечта моя,
Вечная дума
К родным берегам Кагуни...

Знал бы ты — как мы счастливы,
Очень, мой мальчик, счастливы,
Что, кроме огромной планеты,
Есть у нас наша родина —
Наш голубой Алтай!
И есть нам куда вернуться,
Есть что повсюду помнить,
Есть что любить и беречь.
Как сердце алтайца, чистые
Вечные наши горы,
Можжевельника запах,
Песни густые, как кровь,
Добрые люди, родня...

О, как мы безмерно счастливы, мальчик!

КТО ТАМ?

Дошлые,
Любопытные,
Целеустремленные мальчишки
Одну за другой открывают все двери,

Одно за другим открывают все окна —
И вдруг
За окном —
Темнота,
Мрак вне пространства и времени.
Серебристою пылью галактик
Дышит зловецкий холод...
«Кто там? Эй, отзовитесь!» —
Кричат мальчишки в окно,
И верят, что им ответят.
Настолько огромна вера,
Что длинней она
Всей их жизни.

У мальчишек память хорошая.
Может быть, они помнят
Свою далекую родину —
Планету недостижимую
Из круга иного солнца?
Может быть, все мы — дети
Пришельцев инопланетных?
И потому неотрывно,
Голову запрокидывая,
Смотрим в ночное небо,
Грустим о далекой родине,
Стучим и стучим неустанно
В космические ворота
И вслед разбегающимся галактикам
Кричим в расчете на вечность,
Спрашиваем у мирозданья —
Вопросы настолько серьезные,
Что только праправнуки наши
Смогут дождаться ответа.
И главный вопрос наш: «Кто там?»,
Мечта наша: «Эй, отзовитесь!»

БЕЛЫМ ОБЛАКОМ ЛЕЧУ...

Белым облаком лечу
Над моим Алтаем!
«Здравствуйте!» — горам кричу,
«Здравствуйте!» — зверям кричу,
Искрометному ключу,
Встречным птичьим стаям.

Манит каждый перевал,
Где бывал и не бывал,
И ложбинки между скал,
И черемух грозди —
На правах большой родни
Все к себе зовут они,
Предлагают: «Отдохни!»,
Приглашают в гости.

Призывают: «Посмотри!
Это здесь богатыри
В дни былые до зари
Пировали щедро,
Это здесь они вросли
По колени в глубь земли,
Вот с того-то и пошли
На Алтае кедры!»

Мы — алтайцы, мало нас,
Только думал я не раз,
Размышляю и сейчас,
Чаще год от года:
Не волшебника ли власть
Превратила в кедры часть
Моего народа?

И верно, потому,
Только в руки я возьму
Наш топшур кедровый —
Слышу, мнится, голос твой,
Предок дальний, кочевой,
Голос песни горловой,
Зов из глуби вековой,
Зов души твоей живой,
Нежной и суровой!

С кедром в дружбе мы живем,
«Хлебным деревом» зовем
Мы его недаром.
Если в чаще слышу я
Топоры — страдаю я,
Все мне кажется, друзья,
Что короче жизнь моя
С каждым их ударом...

Белым облаком лечу,
Прилететь скорей хочу
К вековому кедрачу
На высоких кручах:
Силу брата ощутить,
Если надо — защитить
Или просто погрузить
На ветвях могучих!

ДУМЫ НОЧЬЮ В ГОРАХ

Как хороша земля родная наша!
Какая синь! Какая тишь кругом!
Плывет луна — серебряная чаша,
Наполненная теплым молоком.

Лежу, люблюсь трав произрастаньем,
И кажется, что добрая Земля
Ведет в ночи беседу с мирозданьем,
Антеннами-усами шевеля.

Я славил мысли дивные победы,
Но в этот час мне — сердцу не солгу! —
Дороже, чем туманность Андромеды,
Клочок тумана в голубом логу.

Какая сказка! Волшебство какое!
Как мирно горы высятся во мгле!
Но не забыть и в этот час покоя,
Как беспокойно нынче на земле.

Я знаю: мир сегодняшней расколот,
Вся в трещинах его живая плоть,
Я думаю: какой жестокий молот
Его успел на части расколоть?

Кто виноват? Неужто слишком рано,
Пытливые и дерзкие умы,
Ядро тяжеловесное урана
Однажды сами раскололи мы?

Неужто в черный пепел превратится,
Вселенской жизни подводя итог,
Все — даже эта маленькая птица
И дремлющий доверчиво цветок?

Уж я не молод, пожил я на свете,
Узнал, как жизнь трудна и хороша,
Но входят в мир с доверьем наши дети —
И так за них болит моя душа!

Пеужто не сумеем на пределе
Над пропастью нажать на тормоза?..
В ночных горах, на каменной постели
Лежу — и звезды падают в глаза.

Нет, верю: человечество, ты — мудро!
Гляжу с надеждой трепетной вперед:
Жизнь победит, живое — не умрет!
Ну, а пока что — наступает утро...

ПЕСНИ ВОДОПАДОВ

В Катунском ущелье — селенье Тюнгур.
Тюнгур — по-алтайски бубен.
Стоит над ущельем тяжелый гул,
Катунь бьет в скалу, как в бубен.

В Тюнгуре старых друзей свело,
Всю ночь мы пили п пели.
И было ущелье для песен мало,
И песни к звездам летели.

Алтайская песня гудит, как река,
Стонет, как сосны под ветром.
Она — несмолкающий пережат,
Она — вовеки бессмертна.

Я вышел на берег в лунную ночь,
Прислушиваюсь — не понимаю:
То ли волны поют, как люди точь-в-точь,
То ли люди реке подпевают.

А волны бегут, серебрясь под луной,
А горы — на страже вечной,

И весь мой Алтай предо мной,
Бессмертный и бесконечный.

И вот предо мною образ возник,
Как ясное сновиденье:
Я вижу: блестят наконечники пик,
Бесшумно коней движенье.

Я вижу высокий синий курган,
Застыла, спешившись, стража.
И вижу я, как идет по рукам
Вина круговая чаша.

И говорят: «Жив наш народ,
Мирный, крепкий, богатый.
Он те же самыя песни поет,
Что пели и мы когда-то.

Только лица счастливей у них,
Только дома богаче...»

И снова седлают коней своих,
И кони над степью скачут.
А может, это не кони, а дым,
Облака и туманы?..

И я возвращаюсь к друзьям своим,
Вхожу в аил пятигранный.
Сажусь у веселого очага
И слушаю песни снова,
В них каждая нота мне дорога,
Любое дорого слово.

Ах, как хорошо этой ночью нам!
Какие счастливые лица!

Косцам, дояркам и чабанам —
Чего им не веселиться!

Они для родной потрудились земли:
Донли, пасли, косили.
Так пусть не смолкают до самой зари
Песни в алтайском аиле!

И песня встает, разметав рукава,
Каждого привечает.
А ей Катунь отвечает: «А-а-а»,
И «У-у-у» Катунь отвечает...

КАК СТЕПНЫХ КОНЕЙ

Вспоминается мне начало начал..
В этот город, сложенный из камней,
Я табун своих диких стихов примчал —
Необъезженных, диких алтайских коней.

Или я хотел с безрассудством юнца,
Чтоб весь мир поклонился моим стихам?
Крепко сидя на потной спине жеребца,
Въехать неким Аттилой в Священный Храм?

Но среди хрусталя и мраморных плит
Убежала муза прочь от меня,
Ибо нес я с собою не розы, не мирт —
Пряный дух ковыля и пену коня.

Я такие песни привез из степей!
Только был непонятен их древний язык,

И смеялся мир над песней моей,
Этот мудрый мир книжечеев и книг.

Вспоминаю тебя, Тверской бульвар!
Как под тенью твоей мой пыл поостыл,
И я понял свой дар, как ненужный дар,
И свои табуны прочь отпустил.

И я думал, что буду во всем походить
На парней гениальных, на весь наш курс.
Повторить, превзойти, но сперва повторить —
В этом — так мне казалось — секрет искусств.

Бог ты мой, танцевал я и вальсе и фокстрот,
По паркету блестящему лихо скользил,
И, забыв о той, что в горах меня ждет,
Я у музы чужой вдохновенья просил.

Но тебя, институт, и тебя, Москва,
Все же я с благодарностью вспомню не раз,
И учителей наших золотые слова,
Указавшие путь на далекий Парнас.

Если знал бы я, наивный юнец,
На какую жизнь себя обреку,
Я тебя, мой взмыленный жеребец,
За узды рванул бы на всем скаку...

Я сказал бы: «Замри, мой скакун степной,
Путь поэта — слишком нелегкий путь...» —
Но поэзии ветер гудит надо мной,
И уже нельзя назад повернуть.

Если знал бы я, если знал бы я...
Где ты, полная ветром грива коня?

Где пастушеская муза моя,
Одарившая сердцем и словом меня?

Посреди высокой древней страны
Песнь слагала она с незапамятных лет,
И пылили мимо нее табуны,
Уходившие покорять белый свет.

И звучал наш древний, великий язык,
И слагался напев высоких стихов,
И с алтайских скал, с этих каменных книг
Не смогла стереть его длань веков.

Я гляжу стихам — табунам моим вслед,
Сам я их седлал, сам я их подковал.
Не сумеют они покорить белый свет,
Но взойдут еще на один перевал.

ТРУБЯТ МАРАЛЫ

Трубят маралы.
Горы и леса
Им вторят.
Запевают скалы.
Летят волнующие звуки.
Серебряные голоса
Звонят,
Как будто струн коснулись чьи-то руки.

Так песня о любви звучит.
Такой манящий ласковый напев
Из глубины высоких гор исходит!
Труба охотника молчит.

Оторопел,
Он вдруг уходит.
И кажется,
Нет в мире ничего:
Вот исчезают скалы,
И звезды падают в траву.
И только — песня!
И только я живу
Весь в этой песне,
Что трубят маралы
Призывной, вечной,
Как жизнь сама.
Все быстротечно —
И золото и слава.
Сегодня славен ты,
Велик и выше звезд,
И жизнь тебе — забава.
А завтра — двинется беда,
И — все темно,
И —
Где твоя звезда?

А вечно только то,
Что вечно до сих пор,
О чем трубит марал:
И перекааты рек,
И переклички гор,
И ветра завываешь,
И трубных звуков заклинаешь.
Начало всех начал.
Начало жизни в них.
Любви начало.

Пора осенняя настала.
И горы дышат, как живые,
И кружат листья золотые,
И о любви трубят маралы.

ПОЛУЗАБЫТЫЕ МОТИВЫ

*Общешитие студентов Литературного
института было когда-то в городке
писателей в Переделкине.*

Переделкинские сосны.
Силуэты старых дач.
Миновали зимы, весны,
Выцвел осени кумач.

Миновали годы, люди,
И хозяев прежних нет,
И других сегодня будит
Переделкинский рассвет.

Вижу я, прищурив веки,
Те, бывшие времена,
Как тома библиотеки,
Те читаю имена.

Том за томом, ряд за рядом,
Никому не изменя...
Вот Чуковский хитрим взглядом
Смотрит прямо на меня.

Вот Тренев, а вот Фадеев,
Вот Хикмет, а вот, а вот...
И, над всеми индевея,
Вечность общая плывет.

Вспоминаю голос, внешность,
И руки Назыма взмах,
И какую-то нездешность
В пастернаковских глазах.

Вспоминаю эти годы —
Общежитское жилье,
Чувство голода, свободы,
Веры в поприще свое.

Никаких тебе сомнений:
Кто ты, Пушкин или Дант.
Каждый в комнате был гений,
В крайнем случае — талант.

И других не знали бедствий,
Кроме бедствия зимы,
И великое соседство
Не смущало нам умы...

ПРАВ ЛИ МУДРЫЙ?..

«Если спит певец,
Спит его народ».
Так изрек мудрец,
Прав ли мудрый тот?

Если б спал поэт,
Из глубин веков
Не дошел бы свет
Песен и стихов.

И народ не спал,
А не то бы как

Он бессмертным стал
В песнях и стихах?

Наши письма
У подножья скал
Не во время сна
Он ведь начертал!

Как бы мог сберечь,
Если спать привык,
Золотую речь,
Древний наш язык?

Нефертити к нам
Не пришла б тогда,
Мог Омар Хайям
Сгинуть без следа...

...Сыплет белый снег,
Полночь у дверей.
Целый мир во сне —
Кроме матерей:

Ночи напролет
Малышам поют
И бессмертье ждет
Их бессонный труд.

Ведь из песен их,
Где мечта жива,
Пушкин брал в свой стих
Жемчуга-слова.

Жизнь, поэт, воспой,
Воспаряй в зенит,

И не спи душой,
Сердце ведь не спит,

Правду жгучих слов
Зароний в сердца,
Чтоб народ готов
Слушать был певца.

«Если спит певец,
Спит его народ».
Так изрек мудрец,
Врет мудрец, тот врет!..

Я — СОЛОВЕЙ АЛТАЯ

Этот кедр высокий и могучий,
Головой касающийся тучи,
Девяносто у него ветвей.
Полны ветви шелеста и света,
Я качаюсь на одной из веток,
Маленький алтайский соловей.

Я пою — пусть слышат или не слышат,
Все равно ведь горло песней дышит,
Я живой и стало быть — пою.
Я пою о горах и долинах,
Я пою о косяках гусиных —
Обо всем, что есть в моем краю.

Мой Алтай, мой дорогой, мой вечный,
Многоресный он и многоречный.
Он недаром назван золотым.
Далеко мне видно с веток кедра:

Видны выси, и видны недра,
И гудящий новостроек дым.
А еще я вижу с этих веток,
Как стоит под деревом мой предок
И слезятся у него глаза.
Все, что он прошел, я понимаю.
Все, что было песней, поминаю.
Было ведро и была гроза.

Мой народ, доверчивый, сердечный,
Простодушный, ласковый, беспечный,
Многих мудрых мудрецов мудрей.
Пусть ему не сыпали отличья.
Он — как я. Он — птичка-невеличка,
Маленький алтайский соловей.

Но стоит душа его высоко,
Выше горных ручейков истока,
Выше белоснежных всех вершин.
Радуюсь высокой этой доле,
Мучаюсь от незабытой боли
И горжусь всем тем, что он свершил.

Так вот, торжествуя и печалясь,
Я пою, на почести не зарясь,
Маленький алтайский соловей.
Счастлив лишь одним: что ветви кедра
Подарили мне светло и щедро
Эту песнь о родине моей.

ГОРЯТ БЕССМЕРТНЫЕ СЕРДЦА

ДУМА НА СТАРОМ ПЛАЦУ

Наш плац — в лесу. Площадка, а за нею
Почти до неба сосен строй живой,
И мы стоим, как сосны зеленея,
В своей солдатской форме полевой.

Седой полковник, ветеран разведки,
Приказ читает нашему полку...
Но вновь и вновь его с лохматой ветки
Перебивает мирисе «ку-ку»!

Полковник строг. Им век нелегкий прожит.
Немало битв он видел на веку.
Но даже он улыбку скрыть не может
В ответ на это нежное «ку-ку».

Смуценно улыбается и снова
Глядит на нас, как прежде, строгим став...
И, право, нет здесь ничего такого,
Что нарушало б воинский устав!

Вот мы стоим плечом к плечу — солдаты,
Вот я стою, а вот — мой лучший друг...
Вполнеба светит зарево заката,
И строем сосны замерли вокруг.

И кажется: уже не сосны это —
Нет: отшагав немалые концы,
Пришли с войны, в защитные одеты,
Взглянуть на смену войны-отцы.

Они глядят, и взгляд их прям и весок,
И слышен сердцу говор их живой,
И мы стоим, как молодой подлесок,
В своей солдатской форме полевой.

Что ж, скажем мы, настали наши годы,
И мы клянемся вашему полку,
Что сбережем и пашни, и заводы,
И шум ветвей, и тихое «ку-ку».

Пусть век шагает, дали открывая,
Пусть солнце льет на землю щедрый свет,
И пусть кукушка наша полковая
Нам накукует — всем! — по сотне лет!

СОН

Было больно — ни разу не крикнул: «Отец!»
Было страшно — ни разу не пикнул: «Отец!»
Было трудно — ни разу не плакал: «Отец!»
Только знал,
Что есть слово такое — отец.
А кому б я сказал, малец,
Это слово?

ГОРЯТ БЕССМЕРТНЫЕ СЕРДЦА

ДУМА НА СТАРОМ ПЛАЦУ

Наш плац — в лесу. Площадка, а за нею
Почти до неба сосен строй живой,
И мы стоим, как сосны зеленея,
В своей солдатской форме полевой.

Седой полковник, ветеран разведки,
Приказ читает нашему полку...
Но вновь и вновь его с лохматой ветки
Перебивает мирное «ку-ку»!

Полковник строг. Им век нелегкий прожит.
Немало битв он видел на веку.
Но даже он улыбку скрыть не может
В ответ на это нежное «ку-ку».

Смуценно улыбается и снова
Глядит на нас, как прежде, строгим став...
И, право, нет здесь ничего такого,
Что нарушало б воинский устав!

Вот мы стоим плечом к плечу — солдаты,
Вот я стою, а вот — мой лучший друг...
Вполнеба светит зарево заката,
И строим сосны замерли вокруг.

И кажется: уже не сосны это —
Нет: отшагав немалые концы,
Пришли с войны, в защитное одеты,
Взглянуть на смену войны-отцы.

Они глядят, и взгляд их прям и весок,
И слышен сердцу говор их живой,
И мы стоим, как молодой подлесок,
В своей солдатской форме полевой.

Что ж, скажем мы, настали наши годы,
И мы клянемся вашему полку,
Что сбережем и пашни, и заводы,
И шум ветвей, и тихое «ку-ку».

Пусть век шагает, дали открывая,
Пусть солнце льет на землю щедрый свет,
И пусть кукушка наша полковая
Нам накукует — всем! — по сотне лет!

СОН

Было больно — ни разу не крикнул: «Отец!»
Было страшно — ни разу не пикнул: «Отец!»
Было трудно — ни разу не плакал: «Отец!»
Только знал,
Что есть слово такое — отец.
А кому б я сказал, малец,
Это слово?

Что такое случилось сегодня во мне?
Только ночью кричал я сегодня во сне:
— Папа! Папа!
Был разрушенный город, объятый огнем,
И не знал я, где я,
И не знал, где мой дом.
И уходит на запад последний отряд —
Лишь качанье штыков,
Лишь молчанье солдат.

Я узнал его сразу.
Я бросился в строй,
За шинель ухватился:
— Отец, ты живой?!

Но отец уходил, молчалив и высок,
Только тихо сказал:
— Опоздал ты, сынок.
— А когда вы вернетесь?
Куда вы сейчас?
— Опоздал ты. Никто не вернется из нас.

И пошел на закат
Молчаливый отряд,
И дрожала заря
На штыках у солдат,
И горели вдали города, города,
И я понял, что я
Опоздал
Навсегда...

— Папа, папа, стой! —
Я бежал велед за ним.
Но шагали бойцы,
Точно тени, сквозь дым,

И никто не хотел обернуться назад,
И горел впереди молчаливый закат.

...Что случилось со мною?
Тоска ли моя
Унесла меня вдруг
В те года, в те края,
Что живут, словно тени, в потемках сердец,
Чтобы встретиться где-нибудь
Нам наконец.

Я проснулся.
Как дорог мне сон мой ночной:
Хоть во сне, мой отец, побывал я с тобой.
Карандаш я сжимаю,
Смотрю на листок:
— Опоздал я, отец.
— Опоздал ты, сынок.

ПЕСНИ КОМСОМОЛОК

Снова вспомнилось детство мне —
Ночь. Луна. И песня в ночи.
Все звучит она в тишине,
Сколько раз ни проснусь — звучит.
Кто поет ее там, вдалеке?
Или это журчит река?
Или белые, налегке
Мчатся ветры издалека?
Ночь бела, и луна кругла
Смотрит в круглые мне глаза.
Как ночная звезда, светла
На ресницах моих слеза.

— Мама, кто пост по ночам? —
Тормошу я, не в силах спать.
— Комсомолки, девчата там, —
Мне из тьмы отвечает мать.
Это верно: девичий хор,
Парни все на войне давно.
И плывет эта песня с гор
На щемящей волне в окно.
Голубой лепесток огня —
Как трепещет в ночи она,
Как тоскует она, звеня,
Как мне долго она слышна!
Молотилок невнятный стук,
Шепот веялок, скрип колес,
Загремели телеги вдруг —
Хлеб для фронта повез обоз...
Может быть, только плуг и знал
Теплоту ваших нежных рук,
Только ветер и целовал
Губы пламенные подруг.
Обнимали парни не вас —
Землю, выжженную войной.
Где-то в танках их жег фугас,
Где-то шторм их хлестал волной.
Только разве и в смертный час
Не любимую вспомнишь вдруг —
Глубину единственных глаз,
Теплоту единственных рук!
Если мимо летел свинец —
Это вы его отвели,
Это сила ваших сердец
Поднимала парней с земли.
Комсомолки военных лет,
Героини военных дней,

Вас надежней на свете нет.
В мире не было вас верней!
Имена б ваши звездам дагь,
Дать бы самым красивым цветам,
Песни б звонкие посвящать,
Дорогие подруги, вам!
Слышу, слышу я вновь и вновь
Песни ваши сквозь все года,
И великая ваша любовь
Очищает меня всегда.

РУЖЬЕ

Ружье кремневое, о чем
Молчишь ты, старина?
За чьим качалось ты плечом,
Где было до меня?
Ты пережило столько лет,
Кто мастер тульский твой?
Давно уж стерт узорный след
Руки его живой.
Как ты попало к нам?
Купец
Привез в суме своей,
Отдав кому-то наконец
За черных соболей?
Казак ли выронил лихой,
Сраженный здесь стрелком?
Рассказывают, прадед мой
Владел таким ружьем.
Наследник деда и отца,
Тебя ли я обрел?
В стволе таится дух свинца,

Хоть ржа пятнает ствол.
Свидетель пугачевских лав,
Все грозен ты, старик.
Стою, приклад к плечу прижав,
Щекой к тебе приник.
Вон красной меди огонек —
Прицел. И темь вокруг.
«Ну, хорошо ль ружье, сынок?» —
Отцовский голос вдруг.
Глухой, далекий, он как гром
Раздался надо мной,
И щеки вспыхнули огнем,
И встал меж мною и ружьем
Отец погибший мой.
Когда отец тебя держал,
Ружье, блестело ты.
Не раз твой гром в горах сипмал
Марала с высоты.
Он не пришел с войны домой.
Уж тридцать лет тому.
И не прижметя он щекой
К прикладу твоему.
Что до меня, я не стрелок,
С пером дружна рука.
Пускай живет марал, дружок,
Ты отдохни пока.
Приклад поглажу я порой,
И станет мне светло,
Как будто чувствую рукой
Отцовское тепло...

ОГНИ МОСКВЫ

Москва. Гостиница «Москва», пятнадцатый этаж,
Внизу — прекрасный город наш, всеобщий
город наш.

Стоим и смотрим, как над ним взлетают в высоту
Салюта жаркие огни — и гаснут на лету.

О, месяц май, девятый день. Победы нашей день!
Все ордена свои, Москва, ты в честь его надень!
И вот уже из померов несем припасы мы,
Несем грузинское вино и нельму Колымы.

Ты родом с Балтики седой, а я — с Алтая, друг.
Но за столом у нас сейчас — почти семейный круг.
Москва, для столь различных нас ты —
матери добрей.

Мы пьем за здравие твое под грохот батарей.

И слышит залп сквозь вечный сон в сырой земле
солдат:
«Салют в Москве! Должно быть, вновь какой-то
город взят!»

Огни взлетают в высоту, и мнится иногда:
Не гаснут, падая, они, не тают без следа.

А прикипают в высоте, умножив звезд число...
«А может быть,— подумал я,— так ярко и светло
Над красными зубцами стен, над кровлями дворца
Горят бессмертные сердца, солдатские сердца!»

Москва, о как ты дорога защитникам своим,
Как ты, свободная, нужна и мертвым и живым!

Взлетела звездочка одна и замерла в окне,
Всего на миг, но в этот миг вдруг показалось мне,
Что предо мной возникла вновь у самого лица,
Звезда с пилотки моего погибшего отца...

И встал высокий фронтовик, герой суровых дней:
«Тост за Москву,— промолвил он,— за свет ее
огней!

Пусть, вечно ясные, горят, для всей земли горят,
И выше этой на земле нам не сыскать награды!»

Так он сказал, седой солдат, тост предложил
такой
И поднял дрогнувший бокал единственной рукой...

КЕДР

На вершине Алтая
Кедр качали ветра,
У него золотая,
Словно солнце, кора.
Он стройней всех и выше
В этих горных лесах,
У него пропасть шишек
Голубых на ветвях.
Влез на ветку мальчонка,
Постреленок-пострел,
Заливался он звонко,
Солнце тронуть хотел.
День июньский был долог
И сиял чистотой,
И лился меж иголок,
Словно дождь золотой.

А под кедром мужчина
Возлежал меж цветов,
Улыбался он сыну,
Сам нестарых годов,
В самой жизненной силе...
Но на завтра везде
Ветры заголосили,
Что Россия в беде.
У платформы, рыдая,
Загудел паровоз
И мужчину с Алтая
Сразу к фронту повез.
Путь прямой у солдата:
Из вагона в окоп!
...Замолчит канонада,
Он вздохнет глубоко,
А бывает, задремлет
Под внезапную тишь —
И он снова под кедром,
А на кедре — малыш...

Мины падали, выли,
Били не наугад,
И в атаку впервые
Не поднялся солдат,
Не увидел сигнала
Трех зеленых ракет —
Раненый, умирал он...
И шумел над ним кедр
Тот же самый, алтайский,
Средь высокой травы,
В память силой солдатской
Неизменной любви
Вызванный перед смертью...

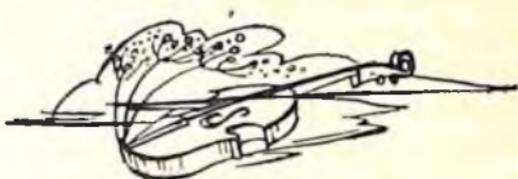
И на кедре — малец
И смеется он сверху:
«Здесь я, здесь я, отец!»

И солдату помнилось,
Что войны больше нет.
Как последняя милость
Зашумел над ним кедр.
«Не умру я...» — подумал,
Встрече с деревом рад,
И не понял, что умер,
А ведь умер солдат...
Порыжевшей шинелью
Весь накрыт, с головой,
Он остался в траншее,
Молодой, молодой,
Беззаветно и щедро
Жизнь отдавший свою...

Но солдатские кедры
Повсеместно в строю.
Кедр — солдата-алтайца
Гордость, слава и жизнь, —
Выше гор поднимайся,
В небо синее рвись!
Не согнет тебя ветер,
Ты с достоинством стой,
Как бессмертья свидетель
И его часовой.

ВЕРЮ В БРАТСТВО ВСЕХ ЛЮДЕЙ

КОМУС

1

«Ведь есть же впрямь транзисторы у нас,
Способные ловить все волны мира —
Кому ж и вправду нужен ты сейчас,
Кому алтайский, маленькая лира?
Сейчас пора мелодий громовых,
Эстрадных потрясателей эфира —
И, как ни тщись, в могучем хоре их
Твой звук потонет, маленькая лира!»
Так многие сегодня говорят,
Быстролетящей моде потакая,
И, слыша их в который раз подряд,
Я головой в раздумье поникаю...

2

Я вижу горы, ночь и свет луны.
Костер. И дым прозрачными клубами.

Сошлись к своей стоянке чабаны,
И конь звезды касается губами,
Как будто он дыханием своим
Холодные созвездья согревает.
Звучит комус. И музыка, как дым,
Охватывает душу, наплывает.
Напев старинный трогает меня.
Он легче лепестка алтайской розы,
Так нежен он, что даже у коня,
Я вижу, на глазах сверкнули слезы...

3

Я на руку беру тебя, стальной
Комус алтайский, древний, благородный.
Ты наделен единственной струной,
Но сколько струн задел в душе народной!
Весь на ладони уместился ты,
По форме — словно сердце, треуголен.
Что говорить, просты твои черты,
Напев негромок, но широк и волен.
Здесь, на Алтае, ты изобретен
Или купец неведомо откуда
Привез тебя, как дар иных племен,
Для утешенья кочевого люда?

4

Что говорить, удобен ты в пути,
Комус, в тысячелетях неизменный!
Легко тебя за пазухой нести,
Легко — в кармане куртки современной.
Тебя к губам подносит человек —
Вокруг цветы восходят, пламенея,

И тает самый плотный зимний снег,
И родина становится роднее.
Как будто малый вспыхнул огонек
И спорит, разгораясь, с ветром встречным,
И человек уже не одинок
Наедине с безмерным, бесконечным...

5

Какой кузнец, в какой земной стране,
В каком тысячелетии впервые
Тебя сковал и закалил в огне,
Потом во льду — не знаем мы, живые.
Но знаем: и поныне ты звучишь
В барханах раскаленных Каракумов
И пробуждаешь снеговую тишь
В краю оленей, нарт и дымных чумов.
Твои напевы древние слышны,
Как знать, что все мы родственны глубинно,
В селениях венгерской стороны,
В горах Тувы, в уютном доме финна...

6

Ковбойский фильм я видел. В нем громят
Индийское селение громилы.
Жилища островерхие горят,
Похожи на алтайские анлы.
Свистит свинец, награбленного груз
Влачит бандит, рыча остервенело...
И я услышал вдруг: звучал комус,
Мелодия знакомая звенела!
Стонал комус, он голос подавал,
Не требуя дотошных переводов,

Казалось мне: о помощи взывал
Он к Азии — праматери народов!

7

Как ты попал на эти берега,
Родной комус? Прислушиваюсь к звуку
Мелодии твоей. Она долга
И сладкую в душе рождает муку.
Я чувствую, как в глубине веков,
Переплетаясь, ворочаются корни,
Я верю в общность двух материков,
Чем дальше, тем сильнее и упорней.
Я верю в братство всех людей земли,
И эта вера крепнет, наполняя
Все существо мое, когда вдали
Напев твой слышу, Азия родная!

8

Родной комус, как дорог сердцу он!
Когда-то на потертой карте школьной
Я разглядел — и замер, поражен:
Алтай по форме — тоже треугольный!
Комус напоминает он собой
И сердце человеческое — тоже.
А может быть, так велено судьбой,
И не случайно столь они похожи?
Итак, звучи, звучи, не умолкай,
Дорожная пастушеская лира —
Звени, комус! Пой, сердце! Пой, Алтай,
Во имя Братства, Радости и Мира!

МОЙ ВОЛШЕБНЫЙ КОРАБЛЬ

Ты расправь, корабль мой, крылья,
Полети над облаками,
Над границами, морями,
Странами, материками!

И причаль к земле далекой,
К той земле, где жил когда-то
Внук Нокомис, сын Веноны,
Благородный Гайавата.

Почему мне на Алтае —
Наконец понять мне надо —
Нежный голос Миннегаги
Слышен в шуме водопада?

Почему я удивился,
С книжкой старой познакомясь:
Как на мать мою похожа
Престарелая Нокомис?!

Как Нокомис, мать учила,
Наклоняясь к изголовью:
«Будь всегда с твоим народом,
С ним ты связан общей кровью!»

Как Нокомис, мать внушала
Мне, тогда еще ребенку:
«Подрастешь — не надо, милый,
В жены брать ипоплеменку!»

Только был уже я, видно,
Сыном времени иного,

И жену, как Гайавата,
Взял из племени другого...

Но в стране за океаном
Отыщу ль я нынче брата,
Или только небоскребы
Давят землю Гайаваты?

Над великим Гитчи-Гюми,
Над бегущими волнами
Различу ль сквозь дым заводов
Огонек в его вигваме?

Протяни ж скорей мне руки,
Выйди, брат, ко мне навстречу!
Крепким дружеским пожатьем
На пожатие отвечу!

По дорогам Гайаваты
Мы с тобой в одной пироге
Поплывем, как на Алтае,
Через бурные пороги.

Будем в заводи глядеться —
И, скуласты, смуглокожи,
Будем вместе удивляться:
«Неспроста мы так похожи!»

Будем слушать мы преданья
О геройстве и отваге,
Сказки мудрые Нокомис,
Песни стройной Миннегаги...

Но летит корабль волшебный
Без меня. Летит, как птица!
Велед ему смотрю с надеждой:
Может, с гостем возвратится?

ФАНТАЗИЯ

Травы — выше коня —
Здесь под солнцем встают.
Стрелы, воздух сверля,
По-кыпчацки поют.

Окружили, теснят
Княжий полк степняки!
Много храбрых легло
У Каялы-реки.

В половецком шатре
Храбрый Игорь в плену,
Вспоминает Путивль,
Ярославну-жену.

«Ты не пленник, ты гость!»—
Льстива речь Кончака...
Где ж той битвы следы?
Где Каяла-река?

Не ответит учепый,
Не скажет поэт,
Может, Кальмиус ¹ это,
А может, и нет.

¹ К а л ь м и у с — река в Донецкой области.

Мы в гостях, мы идем,
О былом говоря,
По земле Украины,
Земле Кобзаря.

Травы — выше коня,
Степь душиста, тепла.
Где-то здесь, говорят,
Эта битва была.

И на миг я впадаю
В полузабытье,
И несет меня
Воображенье мое,

Словно бешеный копь,
По степям, по лугам...
Вот уже не Кончак —
Хан кыпчакский — я сам!

Рядом с князем гляжу
Я в походный огонь.
Я ему говорю:
«Игорь, вот тебе конь!

Ты садись на коня
И на этом коне
Поезжай-ка в Путивль,
К Ярославне-жене.

Передай ей привет,
Ну, а я — ухожу,
Я свой белый дворец
На телеги грузу.

Мы увидимся вновь
Через множество лет,
Где минувшей вражды
Позабудется след,

И останется людям
На все времена
Только песня о нас,
Только песня одна!»

Так я грезил тогда,
Сын алтайской земли,
От которой поклон
Мы сюда принесли.

И сказал я тогда:
«Дорогие друзья!
Как прекрасна земля —
Наша, ваша, моя,

Где навек мы в семье
Породнились одной!»
И мой друг Эркемен
Согласился со мной.

ВОСПОМИНАНИЕ

Лето. Монголия. Смеляков.
Тень по степи ползет облаков.
Жаворонок висит в вышине,
Звук вышивая по тишине.
Сочных тюльпанов пылает пожар.

Тих Смеляков, угрюм и поджар.
Смотрит и не говорит ничего,
И неуютно мне возле него.

Этот глухой, чуть надтреснутый бас
Слышал я в этой поездке не раз,
Видел, как слушает он стихи,
Хмурясь, как будто прощая грехи.
Видел с улыбкой его во весь рот —
Значит, поклевку рыба берет.
Что за удача у рыбака
Выудить крупного чебака!

Мы у верховного ламы сидим,
Благоуханный вдыхаем дым.
И предлагает хозяин наш
Терпкий кумыс из серебряных чаш
Ну а потом угощает нас
Тем, что покрепче во много раз.

И улыбается Смеляков:
«Что-то я не пойму никак.
Разве закон вашей веры таков,
Что разрешает армянский коньяк?»

Невозмутимо плечами пожав,
Старый отвечает Гомбожав:
«Всякая трапеза хороша,
Если ее пожелает душа.
Будда своей добротой велик... —
И опускает веки старик.

Время ползет отарами с гор,
Медленно движется наш разговор.
Дым благовонный над нами плывет.
Хор отдаленный молитвы поет.

Мудрость веков и безумье веков...
Но разговору подходит конец,
И говорит Ярослав Смеляков:
«Благодарю вас, святой отец!
В вере буддистской не смыслю я,
А вот коньяк отменный у вас...»

Как отогрелась душа моя
После, в гостинице, через час!
Столько читал Ярослав всего:
«Любку», «Маратов», «Признание», «Весну».
Пусть в этих строчках я помяну
Нежность и доброту его!

Бил его жизни неустовый шквал —
Выдержал, сдюжил он, уцелел.
Кем он только не побывал —
Лишь дипломатом быть не умел.
Нет, он не взвесит все «против» и «за» —
Врежет правду прямо в глаза.

Помню: потом, через год или два,
Время — зима, место — Москва.
Зал ресторанный огни гасил.
Меня Смеляков к себе пригласил.

Как же теперь проклинаяю я
Тебя, провинциальная глупость моя!

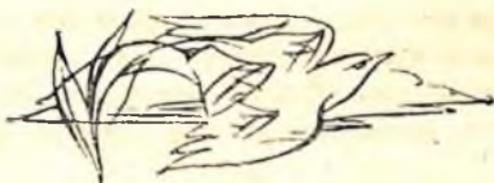
Только и мог в ответ прошептать:
«Мне через час домой улетать».
Вскинул глаза он — как светлый лед —
И зашагал, отвернувшись, прочь.
Пропади пропадом тот самолет,
Та, от Москвы до Алтая, ночь!
Больше нам встретиться не довелось...
Крутится тяжело земная ось.
Время ползет, как отары с гор,
Тень по степи ползет облаков.
Как нам продолжить наш разговор,
Ярослав

Васильевич

Смеяков?

В ОГНЕ ЗАРИ ВЕЧЕРНЕЙ

СТРОКИ НА ЛИСТЬЯХ

Все идут, все идут золотые дожди листопада,
Жесткий лист, пролетая, меня задевает ребром,
И тропинка, где шли мы, весне зеленеющей рады,
Ныне скрыта под желтым и толстым осенним ковром.

Отлетающих птиц раздаются прощальные крики,
И осенние листья шуршат под ногами, сухи,
Как листья золотой, ненароком разрозненной книги,
На которых написаны лучшие в мире стихи.

Кто писал их? Наверное, ливни, рассветы,
закаты,
Быстролетные ветры и звездный мерцающий свет.
И слова о любви, что звучали вот здесь же
когда-то,
Как на тонких пластинках, свой тоже оставили
след.

Я иду в тишине одиноко по белому свету,
Листья кружатся медленно, просятся в руки: лови!

Кто прочтет, расшифрует прекрасную тайнопись эту?
Кто звучанье вернет отзвучавшим словам о любви?

Ты шептала мне их поздним вечером в этой аллее,
И, как листья сегодня, звучали они в тишине.
Я здесь нынче один. Я о прошлом, ушедшем жалею,
О небывшем, несбывшемся — горько жалею вдвойне.

Встали горы вдали в серебре, в одеянии чудном,
Там — метели, зима. Скоро явится, значит,
и к нам.

Навсегда, навсегда затерялась ты в городе людном.
Никогда, никогда не вернутся былым временам.

Я иду по аллее, а листья на землю ложатся,
Различаю на них очертания строчек и строф,
Как неясные знаки исчезнувших цивилизаций
Или, может быть, как позывные далеких миров.

Отлетающих птиц раздаются прощальные крики,
К благодатному югу осенние птицы спешат,
И листья золотой, ненароком разрозненной книги
Под ногами шуршат. Под ногами шуршат и шуршат...

★ ★ ★

Восторги юношеских лет,
Влюбленность в целый мир...
Причины пока для грусти нет,
И жизнь — беспечный пир.

Луга — прохладные ковры,
А мы лишь женихи,

И кажется нам до поры:
Легко писать стихи.

Легко до звезд нам долететь —
И тут нам повезло!
И стоит только захотеть —
Исчезнет в мире зло.

Когда же отрезвили нас
Холодные ветра,
Когда увидеть без прикрас
Себя пришла пора,

Не опечалилась душа:
Она оставит след,
Любимой Родне служа,
За мир держа ответ.

ИЗ ОКНА ПОЕЗДА

Помахав последней электричке,
Я стоял на станции пустой.
Думал, на ветру ломая спички,
О жестокой девушке, о той,

Ныне — и прощенной, и забытой.
Обманула. Не пришла тогда.
Что тут скажешь? Стой, кури, завидуй
Тем, кого умчали поезда.

Им — войти в дома, в тепло уюта,
Встретить губы ласковых подруг...

Годы пролетели, как минуты,
В самом скором ехал я — и вдруг:

Вот он, тот вокзал на полустанке,
Тусклая двойная колея!
Маленький, в заснеженной ушанке,
Кто стоял там? Неужели я?

Может, тот, на станции стоящий,
Любящий, страдающий без фраз —
Я и есть, но лучший, настоящий,
Искренней гораздо, чем сейчас.

Может быть, не я — другой по свету
Мечется, меняя поезда?
Может, я себя утратил где-то?
...Мчат, спешат вагоны, как года.

ГОЛОС

В те былые времена
Возвращаюсь я опять,
В ту избушку в два окна
Вновь хочу я постучать.

Сколько раз из темноты
Выходил я к ней зимой,
Слышал голос: «Это ты?»
Дальше — тише: «Милый мой...»

Косы дивной черноты,
На плечах — платок с каймой,

Все шептала: «Это ты?»
Повторяла: «Милый мой!..»

Шел я к счастью напрямик,
Молод был — и потому
Слишком быстро я привык,
Видно, к счастью своему.

По весне, топчя цветы,
Шел к тебе я, как домой,
Знал, что спросишь: «Это ты?»
Знал, что скажешь: «Милый мой!..»

И наказан был сполна:
Постучался как-то раз,
А за дверью — тишина,
И — ни слов твоих, ни глаз.

Может, было все лишь сон?
Может, не было тебя?
И стоял я, потрясен,
Шапку молча теребя.

И весенние листы
Зашептались надо мной,
Показалось: «Это ты?»
Показалось: «Милый мой!»

С той поры повсюду мне
Ветер, дождик и трава
Повторяют в тишине
Эти вечные слова.

Ветки трогают лицо,
Узнают мои черты,
Взят березками в кольцо,
Снова слышу: «Это ты?»

У воды шумят кусты,
Я склоняюсь над волной,
Слышу голос: «Это ты?»
Стал седым ты, милый мой!»

И, поникнув головой,
Сам не знаю я уже:
То ль, как птица, голос твой
Свил гнездо в моей душе,

То ли в шорохе ветров,
Ночью и при свете дня
Из неведомых миров
Откликаешь ты меня?

* * *

Жене

Есть в стихах моих гулевая
Лирика. Но не будь строга.
Ты ведь знаешь: река любая
Начинается с родника.

Хлынут паводковые воды
И под них берега уйдут.
Очумелые от свободы,
Реки пенятся, в скалы бьют.

Но весенний паводок схлынет
И река, слегка погуляв,
Снова станет чистой и синей,
Обретет свой исконный нрав.

Увлеченья мои, что пена:
Закружусь, захмелев слегка...
А любовь к тебе неизменна
И чиста, как вода родника.

Потому-то черты красавиц
Тают в памяти, точно снег,
И люблю и опять влюбляюсь
Я в тебя, лишь в одну из всех.

Ну, а если в стихах и в песнях
Объясняюсь я им в любви,
То поверь мне — признаюсь честно —
В них я вижу черты твои.

Не ругай же меня за это,
Ведь поэт, как весной река,
И совсем нелегко поэта
Втиснуть в узкие берега.

Сын поэзии, сын свободы,
Для покоя я не готов,
И стихи, как вешние воды,
Не желают знать берегов.

ГУСИ ЛЕТЯТ

По ночам над заснеженным краем
Голоса так печально звенят.
Это гуси летят над Алтаем,
Это гуси куда-то летят.
То ли снег
Тихо падает с неба,
То ли пух этих диких гусей.
Дремлют горы
Под шапками снега
В молчаливой красе своей.

Спят домишки,
Укрывшись от ветра,
Приютившись на склоне горы.
И охотники до рассвета
Жгут в печи,
Чтоб согреться,
Костры.
Надо всем
В затуманенной выси
Голоса так прощально звенят.
Это гуси летят восвояси,
Это гуси куда-то летят.
И всю ночь напролет
Незаметно
Исчезают вдали навсегда,
И уносят под крыльями лето,
И на крыльях несут холода.
Бесконечные снежные горы.
И без отдыха гуси летят.
И мерцают костры, как озера.
Золотые озера манят.

И усталые гуси садятся,
Погибают,
Сгорают в огне...
Так случилось и мне заблуждаться,
И беда приходила ко мне.
Эти беды я забываю
На пути многотрудном моем.
И не крылья в огонь я роняю,
Занимается сердце огнем.
Потому и близки мне и милы
Эти гуси над краем моим.
Соберите последние силы!
Мы еще долетим, долетим!

И когда над горами Алтая
Так печально звенят голоса,
Обо всем я тогда забываю
И твои вспоминаю глаза.
Как я верил горящему взору
Милых глаз! Как любил и страдал!
Но мерцали глаза, как озера.
Я в огне этих глаз погибал...

СНЕГ СРЕДИ ЛЕТА

Прилетели гуси белые,
Сели на вершины гор.
Только то не гуси белые —
Снег свой расстелил ковер.

По ущелью сизокрылая
Стая с гоготом летит.

Нет, не стая сизокрылая —
Речка горная кипит.

Прилетели песни страшные,
Обступили, увели...
Только то не песни страшные ---
Водопад гремит вдали.

Будут даты и события,
Годы выстроятся в строй,
Все тусклее, все размытее
Будет виден образ твой.

По зароды почернелые
И расцветший буланат —
Ничего я не поделаю —
Поведут меня назад

В этот снег, среди лета вынавший,
Продержавшийся полдня,
В этот взгляд, всю душу выпивший
И не видящий меня...

ЧЕРЕМУХА

С той далекой поры пролетели года,
Но, как прежде, смущая солидных знакомых,
Я теряюсь всегда, я пьянею всегда
От весеннего запаха белых черемух.

Как мне быть? Вот встают они снова стеной,
Обступают кругом, раскрывают объятья...
Черт возьми, не смеешься ли ты надо мной,
Чудо-деревце в белом, как девушка, платье?

Только я не обижусь. Я сам виноват.
Был я молод и глуп. И по этой причине
Не ценил удивительный твой аромат,
Полагая, что так подобает мужчине.

Горделивые в сердце лелея мечты,
Шел я в жизнь — и однажды, нахмурясь
сурово,
Черноглазой красавице в белом, как ты,
Не сказал на тропинке заветного слова.

А ведь что-то бродило, кшело во мисе,
Но, себя самого понимать не умея,
Я назло становился черствее вдвойне —
Мол, девчонка! О чем разговаривать с нею!

Я в глаза не глядел ей, суровость храня,—
Что мне, сильному, чувства ее и тревоги!
Мне казалось: любовь ожидает меня
Как награда в конце очень длинной дороги.

Я ушел в ожидании будущих слов,
Но не спал почему-то в ту ночь до рассвета...
Лишь потом, и взрослей, и серьезнее став,
Понял вдруг, что ошибка допущена где-то.

Я в тот вечер подальше задвинул дела;
По забытым приметам, неловкий, несмелый,
Шел я долго — и память меня привела
На лесную тропинку, к черемухе белой.

Как же быть мне теперь, посоветуйте мне!
Видно, ждатель — и, смущая солидных знакомых,
Каждый год, как мальчишке, пьянеть по весне
От бессмертного запаха белых черемух...

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Вот лебеди мои, свершив прощальный круг,
Торопятся домой, торопятся на юг.
И долго-долго вдаль, на улетающих птиц
Глядят глаза озер сквозь тростники ресниц.
И сердце сжалось вдруг, как будто вдруг оно,
Как озеро в горах, оставлено одно.
И стало на душе, как в мрачный день в лесу,
Когда сбивает дождь прозрачную росу.
Но как лебяжий пух, наверно, мне назло
Кружится белый снег, и все вокруг светло.
И горы высоки, и бел их крыльев лед,
Да только нелегко подняться им в полет,
Бела моя трона, и даль вокруг ясна,
Но милая весна, вернется ли она?
И все же я иду, не устаю идти,
Как будто кто-то ждет меня в конце пути.
Чтоб грусть мою делить, чтоб птиц моих
вернуть,
Но... снег у ног моих ложится отдохнуть.
Лишь долго-долго вдаль глядят глаза озер:
Вдруг лебеди мои вернутся из-за гор...

НЭЛЛИ

О Нэлли, о Нэлли,
Алтайский цветок,
Кто имя английское
Дать тебе мог?

В догадках своих
Я, признаться, не тверд:

Ужель твои крестные —
Леди и лорд?

О Нэлли, о Нэлли,
Какая ты мисс?
За имя свое
Ты не им поклонись.

Не леди в ладони
Тебя приняла,
А бабка,
Что рядом в анле жила.

О Нэлли, о Нэлли,
Алтайский цветок,
В алтайском краю
Родилась ты в свой срок.

Без титулов графских
Жила ты в селе,
Счастливой хозяйкой
На доброй земле.

Такие девчонки
В шотландских краях
Живали когда-то
У Бернса в стихах.

О Нэлли, о Нэлли,
На горном лугу
Тебя ли я встретил
С отарой в снегу?

«О здравствуйте, леди!
Сказал я тотчас.—
Здоровы ли овцы
В отаре у вас?»

«Ой, что он болтает?—
Ты прыснула вдруг.—
Какая здесь леди?
Здесь горы вокруг.

Вы в Англию, верно?
Вы сбился с пути?
Желаю вам в Англии
Леди найти».

О Нэлли, о Нэлли,
Алтайский цветок,
Не знаю, кто имя
Придумать вам мог.

Но есть на Алтае
Девчонка одна.
Пусть песенку эту
Услышит она.

* * *

Вдруг облако
Тебя напомнит живо,
Твой профиль,
Чуть размытый высотой.

Но облака —
Они так прихотливы:
Минута — и растаял образ твой.

Я взгляд свой
К облакам летучим поднял.
Они уходят.
Я гляжу им влед.

Нет никого на свете их свободней,
И никого изменчивей их нет.

Летят они по повеленью ветра,
Почти неслышно крыльями шурша.

И музыкой,
Печальной
И светлой,
Им чутко отзывается душа...

* * *

Я разыскивал юность свою
И в горах, и в долинах зеленых,
И в степном, и в таежном краю,
И на длинных вокзальных перронах.

Я в столице пытался найти
Сумасшедшую эту беглянку:
Вспоминая былые пути,
С Малой Бронной спешил на Таганку.

Я в знакомые двери стучал,
Слышал кратко: «Не проживает...»—
«Что ж, простите», — жильцам отвечал.
И жильцы говорили: «Бывает».

Ни вблизи ее нет, ни вдали.
Где ж ты, спорщица, где ж ты, певунья?
Не сумели помочь, не смогли
Мне ни солнце, ни свет полнолуныя.

Где ты, счастье-несчастье мое,
Где глаза твои вечно сухи?..
Я пытался окликнуть ее
И на улицах братской Софии.

Но бесплодны попытки мои,
Не достиг моей призрачной цели.
А ведь пели же нам соловьи,
И для нас тополя шелестели!

Я к студентам с вопросом спешил,
На строительствах к юным рабочим,
Но впустую людей тормозил:
Не сыскал мою юность...

А впрочем,

Иногда она виделась мне,
Улыбалась светло и жестоко,
Но всегда на другой стороне
Переулка, проспекта, потока...

ДРУГУ

В горах, где начат путь наш к нашей цели,
По-прежнему цветет альпийский луг,
И песне, что когда-то здесь мы пели,
Ручьи донныне вторят.

Слышишь, друг?

Состарились деревья, что когда-то
На склонах обступали нас вокруг,
Но есть их смена — рослые ребята,
Они опять зовут нас.

Слышишь, друг?

Там звезды нас, пленительно моргая,
Высматривают, ласковой подруг,
И ветер, все тропинки обегая,
По именам нас кличет.

Слышишь, друг?

Вернувшись из далекого отлета...
И в чаще примостясь на толстый сук,
Кукушка там для нас, не для кого-то,
Отсчитывает годы.

Слышишь, друг?

И матери, дряхлея понемногу,
Уставшие от множества разлук,
Там вопрошают старую дорогу,
Когда ж мы навестим их.

Слышишь, друг?

Я думаю в смущении глубоком:
Пора бы нам, немалый сделав крюк,

Вернуться, наконец, к своим истокам,
Пора бы к ним прикинуть...

Слышишь, друг?

Нас журавли разбудят, как бывало,
Мы примем хлеб из материнских рук
И с высоты родного перевала
На жизнь свою посмотрим:

Слышишь, друг?

Не стану обещать я, что моложе
Или красивей сделаемся вдруг,
Или чуть-чуть счастливее — но все же
Зову тебя в дорогу.

Слышишь, друг?

ВЕТЕР ЛЮБВИ

Я слушаю сад
Весной поутру:
Деревья шумят
На вольном ветру.

Не ворчат на него,
Не маются —
Радуются,
Обнимаются!

Он добрый, он свой —
Ворвавшийся в сны,
Тот ветер живой
Любви и весны!

Весной, поутру
В мой сад я смотрю,
В мой сад я смотрю —
И так говорю:

«О ветер любви,
Коснись и людей,
Меж нами живи,
Сердцами владей!

Чтоб тот, кто устал,
Отпел, отлюбил,
Вновь молод бы стал,
Про годы забыл.

Чтоб тот, кто не стар,
Был молод и впредь —
До срока не стал —
Черстветь и стареть!..»

Не пойте: «Сквозняк!» —
А выйдете в сад,
Послушайте, как
Деревья шумят —

Не ворчат на ветру,
Не маются —
Радуются,
Обнимаются!

ЖИЗНЬ

Друг, не печалься, как в осень березы,
Ветром оборванные до листка!
Даже в страдании, даже сквозь слезы
Радуйся жизни — ведь жизнь коротка.

Это не радость великая разве —
В жизнь окунуться, в могучий поток?
Если цветок возникает над грязью,
Будем смотреть не на грязь — на цветок.

Птицы домой возвращаются с юга —
Будем горды после долгой зимы
Тем, что к вращению вечного круга
С птицами вместе причастны и мы.

Жизнь коротка — но про это не станем
С видом унылым твердить без конца:
Птицу по имени Радость заманим
В наши открытые свету сердца.

Разве бессмертия мы не вкусили,
Если в обычной жизни людской
В прошлом и в будущем мыслью гостили,
Солнца коснулись бесстрашной рукой?

Солнце сияет. Жемчужны и млечны,
В дальние дали плывут облака.
Радуйся жизни — ведь жизнь бесконечна.
Кто говорил, что она коротка?

Друг, тают вновь снега, и я с весною
Всю жизнь мою припоминаю вновь,
Припоминаю детство озорное,
И первый стих, и первую любовь!

Все, что забыто и полузабыто,
Оживлено дыханием весны,
И двери, что давным-давно забыты,
Сегодня широко растворены.

И трепетом душа моя объята:
Неужто наши думы и труды
Когда-нибудь растают без возврата,
Как нынче наши зимние следы?

Нет, все-таки мы прожили недарем:
Под солнцем лета и в снегах зимы
Пазло любым подножкам и ударам
В людское братство веровали мы!

Трудились мы с тобой не ради славы,
И с нами — все товарищи-друзья,
А в чем мы были правы, в чем не правы —
Нам только Жизнь воистину судья.

Холодный ветер дул с жестокой силой,
Не обошлось без горестных потерь:
Был с нами третий — над его могилой
Уж не одна отплакала метель.

И все ж не зря мы пройденным гордимся,
И все же нам в отставку не пора:

Как прежде, друг мой, мы еще годимся
В шеренгу храбрых рыцарей Добра!

Пусть не всегда над нами небо ясно,
Но жизнь нам не наскучила пока.
Мы повторяем, что она прекрасна —
Деревья, горы, солнце, облака!

И вольные над миром птичьи стаи,
И звуки песни древней и родной,
И нежная, сердечная, простая
Улыбка милой женщины одной.

О сердце, сердце, что с тобою сталося,
Комочек мышц величиной с кулак?
Когда-то навсегда очаровалося —
И не разочаруешься никак!

* * *

Ты глядишь на меня,
как луна с высоты.
Как луна в облаках
переменчива ты!
То в глазах твоих мед,
то — и горечь, и лед,
То внезапная молния
острым жалом сверкнет.
О тебе помышляя,
и томясь, и любя,

Я трехликой Гекате
уподобил тебя.
И брожу, и твержу
среди ночной тишины:
— Ты — Геката, богиня
колдовства и луны!
Ты — и радость моя,
ты — и горе мое,
Ты — луна для меня,
а я — море твое.
Если косо посмотришь —
мрачнеет волна,
И от берега тяжело
отхлынет она.
Потемнеет, отступит,
камни дна оголив.
Люди выйдут на берег,
люди скажут: «Отлив».
А когда улыбнешься,
вновь становится мил
Весь прибрежный, знакомый,
примелькавшийся мир.
И волна, возвращаясь,
мчит резвей и резвей,
На бегу обнимая,
словно старых друзей,
Скалы, пристани, сваи,
маяки, валуны...
Вот что значит улыбка
благоклонной луны!
Ты — и радость моя,
ты — и горе мое,
Ты луна для меня,
а я — море твое,

Где эдельвейсы, схожие с тобой,
Прекрасные и чистые вставали.

Не слышали мы, как часы спешат,
Но слышали, как облака шуршат,
У нас над головами пролетая!
Прекрасна жизнь, в которой есть цветы,
Прекрасен мир, где существуешь ты.
О дорогая девочка Алтай!

Могуч Алтай — высокая земля!
Людским сердцам большими быть веля,
Он к мелкоте презрения не прячет!
Ты помнишь перевал в тот лунный час?
Там помнят кедры вечные о нас.
А это, друг мой, что-нибудь да значит...

СОДЕРЖАНИЕ

ПОД ЭТИМ НЕБОМ ГОЛУБЫМ

Третий глаз. Перевод Н. Фоякова	3
Любовь. Перевод Е. Храмова	5
Планета. Перевод Н. Фоякова	6
Мама поит ягненка. Перевод Е. Храмова	7
Дочке. Перевод Н. Фоякова	9
«Нет, я не Прометей...» Перевод Е. Храмова	11
«Как приеду я снова домой...» Перевод А. Смольникова	13
Горная речка. Перевод Н. Фоякова	14
Я — майя. Перевод А. Смольникова	16
«В пути, как факел, поднимаю Слово...» Перевод Н. Фоякова	17
На берегу Иша. Перевод А. Смольникова	18
Аргонавты. Перевод А. Смольникова	20
Думы у Мавзолея. Перевод Н. Фоякова	21
Партийный билет. Перевод Н. Фоякова	22
Алтай. Перевод А. Смольникова	24
Моему мальчику. Перевод Н. Фоякова	25
Лето. Перевод Е. Храмова	27

Коммунист. Перевод И. Фоякова	30
Есть неведомая связь... Перевод И. Фоякова	30
Алексею Калкину. Перевод И. Фоякова	32
Высота. Перевод А. Смольникова	34
Маленький художник. Перевод И. Фоякова	35
Человек. Перевод И. Фоякова	37
Смерть колхозника. Перевод Е. Храмова	40
Письмо на родину. Перевод А. Плитченко	43
Кто там? Перевод А. Плитченко	44
Белым облаком лечу... Перевод И. Фоякова	46
Думы ночью в горах. Перевод И. Фоякова	47
Песни водопадов. Перевод Е. Храмова	49
Как степных коней. Перевод Е. Храмова	51
Трубят маршалы. Перевод Е. Храмова	53
Полузабытые мотивы. Перевод Е. Храмова	55
Прав ли мудрый?.. Перевод Е. Храмова	56
Я — соловей Алтая. Перевод Е. Храмова	58

ГОРЯТ БЕССМЕРТНЫЕ СЕРДЦА

Дума на старом плацу. Перевод И. Фоякова	60
Сон. Перевод А. Смольникова	61
Песни комсомолок. Перевод А. Смольникова	63
Ружье. Перевод А. Смольникова	65
Огни Москвы. Перевод И. Фоякова	67
Кедр. Перевод Е. Храмова	68

ВЕРЮ В БРАТСТВО ВСЕХ ЛЮДЕЙ

Комус. Перевод И. Фоякова	71
Мой волшебный корабль. Перевод Е. Храмова	75
Фантазия. Перевод И. Фоякова	77
Воспоминание. Перевод Е. Храмова	79

В ОГНЕ ЗАРИ ВЕЧЕРНЕЙ

Строки на листьях. <i>Перевод И. Фоякова</i> . . .	83
«Восторги юношеских лет...» <i>Перевод М. Акчурина</i>	84
Из окна поезда. <i>Перевод И. Фоякова</i>	85
Голос. <i>Перевод И. Фоякова</i>	86
«Есть в стихах моих гулевая...» <i>Перевод Е. Храмова</i>	88
Гуси летят. <i>Перевод Э. Балашова</i>	90
Снег среди лета. <i>Перевод Е. Храмова</i>	91
Черемуха. <i>Перевод И. Фоякова</i>	92
Осенняя элегия. <i>Перевод А. Смольникова</i>	94
Нэлли. <i>Перевод А. Смольникова</i>	94
«Вдруг облако...» <i>Перевод Е. Храмова</i>	96
«Я разыскивал юность свою...» <i>Перевод И. Фоякова</i>	97
Другу. <i>Перевод И. Фоякова</i>	99
Ветер любви. <i>Перевод И. Фоякова</i>	100
Жизнь. <i>Перевод И. Фоякова</i>	102
«Друг, тают вновь снега, и я с весною...»	103
«Ты глядишь на меня...» <i>Перевод И. Фоякова</i>	104
Высокая земля. <i>Перевод И. Фоякова</i>	106

Адаров А.

А28

Весна моей земли: Стихотворения.
Пер. с алт.—М.: Сов. Россия, 1986.—112 с.

Алтай, его природа, накладывающая отпечаток на характер алтайцев, труд, любовь, — темы стихотворений поэта.

Его поэтический мир — светел и высок, знакомство с ним оставит у читателя доброе чувство.

А 4702070000—290 199—86
М-105(03)86

Р2

Аржан Адаров
(Владимир Опицкинович)

ВЕСНА МОЕЙ ЗЕМЛИ

Редактор Ф. И. Чуев
Художественный редактор Л. Е. Безрученков
Технический редактор И. И. Капитонова
Корректор С. В. Мироновская

ИБ № 3504

Сдано в набор 03.01.86. Подписано в печать 11.03.86.
А02261. Формат 70×90^{1/32}. Бумага типогр. № 1.
Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая.
Усл. п. л. 4,10. Усл. кр.-отг. 4,32. Уч.-изд. л. 4,35.
Тираж 10.000 экз. Заказ № 32. Цена 45 к.
Изд. инд. ЛНП—2.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Сортавальская книжная типография Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 186750, Сортавала, Карельская, 42.

ЛИБ
ВОЗВРА
Т

•Советская Россия•